

О. Антоний

**Толкования на Ветхий Завет,
издаваемые при С.-Петербургской
духовной академии**

**Выпуск 7. Толкование на книгу Св.
Пророка Михея**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О. Антоний**
Толкования на Ветхий Завет, издаваемые при С.-Петербургской духовной академии: Выпуск 7. Толкование на книгу Св. Пророка Михея / О. Антоний – М.: Книга по Требованию, 2024. – 96 с.

ISBN 978-5-458-15563-2

ISBN 978-5-458-15563-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНІЕ.

Предварительныя замѣчанія.

Литература нашей свящ. книги на русскомъ языкѣ, весьма не богата. Кромѣ толкованій на 12 пророковъ архіепископа псковскаго Иринея, одного изъ обильнѣйшихъ библейстовъ русскихъ, жившаго въ началѣ нашего XIX вѣка, и болѣе слабыхъ толкованій епископа Палладія олонецкаго, мы имѣемъ лишь разбросанныхъ по духовнымъ журналамъ менѣе 10 числомъ замѣтокъ, касающихся то личности пр. Михея, то толкованія, но вовсе не научнаго, — какихъ-либо выдающихся мѣстъ его пророчествъ. Ректоръ рязанской семинаріи прот. Смирновъ помѣщалъ по нашему предмету статьи въ „Чтеніяхъ въ Общ. любителей дух. просвѣщенія“, въ коихъ предлагалъ популярныя толкованія на всѣхъ пророковъ; тамъ отведено до 50 стр. и прор. Михею. Между краткими журнальными замѣтками о немъ обращаютъ на себя вниманіе статьи м. Филарета конспективнаго характера, касающіяся личности и самой общей характеристики твореній нашего пророка. Съ прошлаго года начались печатаніемъ толкованія проф. Юнгера въ „Правосл. Собесѣдникѣ“. Изъ отцевъ церкви на нашу рѣчь переведены только изъясненія на малыхъ пророковъ преп. Ефрема Сирина и блаж. Феодорита, да двѣ коротенькихъ замѣтки о Михеѣ Аванасія и Іоанна Златоуста, въ его краткомъ обзорѣніи содержанія книгъ свящ. Писанія Ветхаго Завета. Полезнѣйшія толкованія бл. Иеронима остаются непереведенными.

Толкователей прежде всего занимаетъ вопросъ о *времени написанія* нашей книги. Правда, она сама въ себѣ заключаетъ весьма точныя на то указанія: „во время Іоама, Ахаза и Езекии, ца-

рей іудейских“ , но ученые не находят этого указанія достаточно точнымъ и ухищряются въ предположеніяхъ о болѣе обстоятельныхъ датахъ. Такъ нѣкоторые, какъ напр., Гартманъ, склонны думать, что царствованіе Езекии едва ли имѣлось въ виду при изобличеніяхъ Михея, потому что это царствованіе было весьма благочестивое, и слѣдовательно перечисляемые въ нихъ пороки указываютъ скорѣе на беззаконныя дѣянія его сына Манассии. Но развѣ добродѣтель царя обусловливаетъ жизнь загрубѣлаго въ грѣхахъ идолослуженія народа?! Развѣ можетъ одинъ человѣкъ исправить то, что портили многіе, кончая предшественникомъ Езекии Ахазомъ? Развѣ не во дни Езекии обличали Исаія, Осія и Амосъ? а Софонія не во дни ли благочестиваго Іосіи? и Малахія не во дни ли Ездры? Наконецъ, неужели недостаточнымъ подтвержденіемъ хронологической даты пророчества служить упоминаніе о продолжающемся еще существованіи царства израильскаго? и слова Іереміи XXVI, 18, буквально воспроизводяція Мих. III, 12 и относяція ихъ ко времени Езекии?

Гораздо ближе къ дѣлу хронологическая заимѣтка блаж. Теодорита, который останавливается на современности Михея съ Осіей, Іоилемъ и Амосомъ, и на сходствѣ ихъ поученій, какъ на общемъ средствѣ домостроительной десницы вразумить нечестивыхъ. Не лишена значенія и прибавка арх. Иринея, указывающаго на необходимость соотносить проповѣдь пророка съ обстоятельствами современной жизни народа, чтобы имѣть возможность усмотрѣть, каковое отношеніе имѣетъ проповѣдь этого для нашей жизни. Т. е.

чь идетъ о *нравственной идее* пророчества. Съ этой стороны дѣйствительно необходимо изучать современную ему жизнь, чтобы отличать въ пророчествахъ то, что имѣетъ (принципальное) чисто религіозное значеніе, отъ историческаго матеріала.

Переходимъ ко второму вопросу объ *авторѣ* книги. Въ подлинности надписанія нѣтъ причинъ сомнѣваться, но любознательшается 1) на отношеніе нашего Михея къ Михею же, предсказавшему пораженіе Ахава и Іосафата, 2) на разборъ самаго слова Михея и 3) на нахожденіе мѣста происхожденія пророка. Почему-то они находятъ препятствіе къ отождествле-

нiю двухъ Михеевъ не въ томъ, что между Иосафатомъ и Иоаса-
номъ прошло полтора вѣка (Иорамъ, Охозія, Иоась, Ахазія и Аза-
рiа)—до Езекии—дѣлѣхъ два, но въ томъ, весьма шаткомъ по-
ложени, что первый Михей (3 Цар. XXII, 8—29=2 Пар.
XVIII, 6—23) пророчествовалъ въ Самарiи, а второй [преиму-
щественно] въ Иудеѣ.—Филологическiй составъ евр. имени про-
рока מִיכָיָהוּ (миха) въ клягѣ Іерем. XXVI, 18 читается
מִיכָיָהוּ (Михайя)=кто какъ Іегоза, [ер. Михаилъ]=кто какъ Богъ
(אֱלֹהִים—эт). Переводъ этого названiя блаж. Іеронимомъ, какъ
смирение, не имѣетъ въ свою пользу данныхъ въ нѣнѣшнихъ евр.
словаряхъ, хотя вмѣстѣ съ переводомъ города Морасенъ (откуда
родомъ значится Мiхей), какъ *наслѣдство* (согласно евр. фило-
логiи: מִיכָיָהוּ=имѣнiе, наслѣдiе) оно даетъ ему поводъ рассуждать
на ту тему, что наслѣдiе Своего царства Господь даруетъ лишь сми-
реннымъ. Вѣроятно была во время бл. Іеронима связь между рече-
нiемъ: кто какъ Богъ? и обозначенiемъ добродѣтели смиренiя. Это
вѣроятнѣе, чѣмъ объясненiе Іеронима Шеггомъ, который думаетъ,
будто св. отецъ производитъ слово отъ מַחַח (махах)—быть то-
щимъ, подавленнымъ (но не смиреннымъ) ¹⁾.

Тотъ же отецъ церкви, какъ жившiй въ Палестинѣ, свидѣ-

¹⁾ Во всякомъ случаѣ символическое значенiе имени пророка не
должно быть встрѣчаемо съ насмѣшкой; если вѣсмотрѣться въ то зна-
ченiе, которое іудеи придавали собственнымъ именамъ, то мы поймемъ,
что самая попытка бл. Іеронима не должна быть осуждаема съ биб-
лейской точки зрѣнiя. Обратимъ вниманiе на имена, которыя давала
дѣтямъ своимъ Ева, затѣмъ Сарра, затѣмъ Рахиль и Лiа, далѣе Мои-
сей и проч.—и мы увидимъ, что въ этихъ именахъ праотцами изъ
нихъ непосредственнаго настроенiя высказывалось то живенное чая-
нiе, которое наполняло ихъ существованiе и выражалось въ чадоро-
дiи. Имена, даваемые какъ вымышленнымъ, такъ и настоящимъ лич-
ностямъ въ жизни пророковъ, напр. Ос. I, 4—10, или Іер. XX, 3,
или Ис. VII, 14, VIII, 3, IX, 6 (или непосредственно самимъ Бо-
гомъ: Аврааму и Саррѣ, Предтечѣ и Христу Спасителю) — показы-
ваютъ, что въ нихъ мыслилось нѣчто гораздо большее, нежели въ
именахъ теперѣшнихъ, почему свящ. писатели не опускаютъ безъ вни-
манiя даже тѣхъ именъ, которыя давались язычниками, напр. Иосифу
или тремъ отрокамъ, называють дочерей Иова и т. п. Итакъ, ничего
не говоря въ защиту догадокъ блаж. Іеронима объ имени Михея, мы
не можемъ осудить самаго-то приѣма толкованiя значенiя этого имени.

тельствуетъ, что Мореша, въ его время, было селеніе вблизи отъ Елевтерополиса, въ Іудеѣ на югъ отъ Іерусалима. Это тоже занимаетъ ученыхъ, какъ иноземныхъ, такъ и м. Филарета и Ив. Ст. Якимова въ его литограф. конспектѣ. Городъ сей, думаютъ они, лежалъ близъ Гева, почему въ связи съ нимъ и называется у Мих. I, 14.—Что касается до *слога* пророчества, то толкователи находили его живымъ, *отрывочнымъ* съ быстрыми переходами съ предмета на предметъ, а потому и *теплымъ* для читателя. Къ этому должно прибавить, что едвали не всѣ почти пророки и прочіе св. писатели, кромя историковъ, отличаются подобными же свойствами рѣчи, чему причиной семитическій субъективизмъ, который выражаетъ настроенія души говорящаго въ ихъ непосредственной послѣдовательности, не заботясь о внѣшнихъ основаніяхъ: поэтому и для уловленія связи представленій толкователь долженъ сумѣть войти въ это настроеніе и тогда уже слѣдить за говорящимъ при помощи своего собственнаго внутренняго опыта.

Поэтому мало естественнымъ представляется принимаемое почти всѣми дѣленіе книги на основаніи внѣшняго признака, т. е. повторяемаго трижды слова: слушайте. Еще менѣе основательно поступаютъ тѣ изслѣдователи, которые, какъ напр., Смирновъ, принимаютъ эти дѣленія за три цѣлостныхъ рѣчи пророка. Напротивъ отрывочность и повторяемость заставляютъ другихъ предполагать, что книга Михея представляетъ собою не болѣе, какъ запись его многочисленныхъ пророческихъ изреченій (Розенмюллеръ), при чемъ нѣкоторые думаютъ, что эта запись сдѣлана для царя Езекии и дана ему въ качествѣ оружія для борьбы съ остатками язвчества.

Гораздо достойнѣе замѣчанія тождественность многихъ мыслей и даже выраженій нашей книги съ книгой Исаи¹⁾.

Михей	Исаія
II, 11	XXVIII, 7
III, 5—7	XXIX, 9—12

¹⁾ Это подобіе давно замѣчено въ наукѣ; изъ новѣйшихъ на немъ основывается Кейль; Шеггъ находятъ впрочемъ внаго рода параллелизмъ.

Михей	Исаія
III, 12	XXXII, 13
IV, 1—5	II, 2—5
V, 2—4	VII, 14; IX, 6.

По поводу этого еще арх. Иринеи замѣчалъ, что Исаія, будучи старше Михея, нашель въ немъ продолжателя своей дѣятельности въ томъ смыслѣ, что жестоковѣрный и непонятливый народъ, чрезъ повтореніе однимъ пророкомъ словъ другого, долженъ былъ наконецъ уразумѣть ихъ грозное значеніе. Каково же было тогдашнее состояніе религіозной жизни у Израіля и Іуды? Весьма печальное. Молодой Ахазъ, поддавшись вліянію языческой партіи, не только поклонялся Астартамъ и Молоху, но и показаль прямо враждебное отношеніе къ истинному богопочтенію, изломавъ сосуды храма Божія и даже вовсе заперевъ его двери и всѣ входы. Въ это же время царствовалъ надъ Израілемъ жестокой Факей, губившій Іуду въ гибельномъ для себя же союзѣ съ Рециномъ, царемъ ассирійскимъ, и совершившій колоссальное злодѣйство избіеніемъ 120,000 іудеевъ. Вотъ эти-то явленія, т. е. языческія наклонности обоихъ царствованій, ихъ взаимная ожесточенная вражда и затѣмъ все усиливающееся давленіе на обоихъ со стороны ассирійскихъ царей—Оеглаефелласара, Салманассара и Сеннахерима, давленіе не только военной силой, но и нравственной или культурной, насколько усиленіе Ассиріи Ахазъ объяснялъ ихъ религіозной силой; вотъ, говоримъ, тѣ вѣдшія историческія условія, при которыхъ приходилось пророчествовать Михею. Что касается до нравственнаго состоянія самого населенія израильскаго и іудейскаго, то весьма естественно, что религія, ставшая предметомъ политическаго орудія царей, которые мѣняли культы, какъ только каждый желалъ, давно лишалась соответствующаго ей нравственнаго вліянія на души и обратилась въ свящ. церемоніаль какимъ угодно богамъ. Обличенія современныхъ Михею, Исаіи, Амоса и Осіи, указываютъ на формальное отношеніе людей къ религіи, на паденіе пастырства у священниковъ, на извѣженную и нечестную жизнь аристократіи и вообще на полнѣйшій упадокъ

религиозно-народной идеи, или того духовного патриотизма, безъ котораго народъ быстро идетъ къ разложению. Сколько неосновательными послѣ этого могутъ представиться разсужденія и споры ученыхъ о литературной зависимости Исаи и Михея, при чемъ то одинъ, то другой считается предшественникомъ или оригиналомъ. Шагъ, напр., строить цѣлую повѣсть о томъ, что юный Исаи, посвященный въ годъ смерти Озіа, отца Іоаса, видѣніемъ Господа Саваоа и углемъ отъ руки Его Ангела, не сразу выступилъ на пророческое поприще (?), но лишь вдохновляемый приѣмомъ обличителя—Михея, котораго онъ сталъ ученикомъ (?), вскорѣ превоспешшимъ своего учителя. И замѣчательно, что этотъ ученый принимаетъ за основаніе ихъ взаимной связи не риторическія совпаденія, не единство выраженій, которое онъ считаетъ произведеніемъ эпохи, но единство ихъ мыслей. Между тѣмъ весьма естественно, что обличительная ревность охватываетъ въ известной степени всѣхъ проповѣдниковъ истинной религіи, помимо всякой взаимной связи, такъ что нѣтъ нужды говорить о зависимости Михея отъ Исаи. И если мы пересмотримъ вышеуказанныя параллельныя мѣста, то найдемъ лишь самое общее сходство, кромя одного (Мих. IV, 1—5), которое у Исаи совершенно тождественно въ II гл. 2—5.

Дѣйствительно, какъ слуга нравственнаго міропорядка, какъ провозвѣстникъ того „царства не отъ міра сего“, пророки свои поученія ставили въ зависимость не отъ политической жизни, не считали себя, какъ и Исполнитель ихъ пророчествъ, поставленными судить между людьми: но боролись съ княземъ міра сего, съ пороками нравственными, съ уклоненіями отъ „религіознаго предназначенія народа. Когда оно становилось въ связь съ замыслами политиковъ, тогда только послѣдніе становятся предметомъ пророческаго обличенія, предметомъ, но не руководящимъ началомъ, направляющимъ смыслъ рѣчи. Такъ, Іеремія борется съ египетскими симпатіями іудейскихъ аристократовъ, Исаи ободряетъ царя Ахаза обѣщаніемъ чуда; еще ранѣе Гадъ и Наанъ обличаютъ Давида, неизвѣстный пророкъ Іеровоама и Илія съ Елисеемъ Ахава и его преемниковъ; но всѣ они стоятъ

на почвѣ чистой добродѣтели и религіи и обращаются къ царямъ, какъ свободнымъ нравственно-отвѣтственнымъ *личностямъ*, а—къ ихъ поступкамъ— съ точки зрѣнія царства Божія. Оно-то было предметомъ ихъ проповѣди и лишь въ связи съ нимъ послѣдняя обращалась къ царямъ, оставаясь вѣрна своей дѣли—руководства перрави, или религіознаго воспитанія народа. Даже помазаніе Илій 2-хъ царей не было исключеніемъ: характеръ сего помазанія былъ чисто моральный, вовсе не политическій (3 Цар. XIX; 4 Цар. VIII—IX). Напротивъ, учителей съ политическими тенденціями, какъ дѣлю пророчествъ, грозно обличали оба Михея, Іезекіиль, Іеремія и Исаія. Истинный пророкъ, какъ противостоящій этимъ придворнымъ представителямъ религіи, какъ *богочтецъ* противъ *человѣкоугодниковъ*, есть любимый образъ В. Завѣта, начиная съ Іосифа и Моисея въ Египтѣ и кончая Давидомъ у Навуходоносора и Дарія. Можно сказать еще болѣе: что со времени отдѣленія свѣтской политической жизни отъ церковной пророки возставали именно тогда, когда естественные учителя вѣры, т. е. священники, сходили съ своего пастырскаго поста, увлекаясь интересами политической минуты, и ради нея благопріятствовали свѣтскимъ идеаламъ. Это отдѣленіе случилось со смертью Самуила, который не даромъ выдѣляется между пророками не однажды и въ Новомъ Завѣтѣ. Общимъ содержаніемъ пророческихъ рѣчей служило именно противопоставленіе нравственнаго міропорядка физическому и политическому, истиннаго закона внѣшнимъ обрядамъ. Чѣмъ сильнѣе дѣло влилось къ тому, чтобы превратить весь культъ въ средство государственной свѣтской жизни— тѣмъ грознѣе и многочисленнѣе выступали пророки. Между тѣмъ едва ли не къ этому именно омірщенію религіи сводилось и идолопоклонство царей и поклоненія тельцамъ. Поэтому-то пророки и не раздѣляютъ почти понятій идолопоклонства и грѣха; эти понятія для нихъ тождественны. Только сознательныхъ начинателей идолослуженія обличаютъ они прямо за безнравственность, какъ за большее зло, чѣмъ самые идолы (Іер. XXIII, 12—16). Итакъ содержаніе пророческихъ рѣчей обращено къ явленіямъ нравственной жизни народа, которая выражалась уже послѣ всего въ явленіяхъ полити-

ческой жизни, а главнымъ образомъ—въ исполненіи заповѣдей десятисловія: съ ними то свѣряютъ пророки жизнь народа. Внѣшнее различіе пророческихъ рѣчей отъ закона Моисея заключается въ кажущемся противопоставленіи внѣшняго культа внутреннему настроенію духа. Но и это не то значить, будто бы пророки *доросли до мысли* о превосходствѣ послѣдняго надъ первымъ, тогда какъ Моисей не понималъ, что Богъ требуетъ не внѣшняго культа, а духовнаго (а многіе ученые именно такъ представляютъ дѣло): нѣтъ, этотъ фактъ указываетъ лишь на раздвоеніе народнаго сознанія. Для патриархальнаго полудикаго племени не было разницы между обрядомъ и настроеніемъ: первый замѣнялъ живую рѣчь и являлся непосредственнымъ выраженіемъ послѣдняго. Только культура могла внести въ жизнь, что внутреннее настроеніе отдѣляется отъ проявленій внѣшнихъ и такимъ образомъ даетъ просторъ въ религіозному лицемѣрью, которое и изобличали пророки.

Если мы будемъ разсматривать *содержаніе пророческихъ рѣчей Михея*, то увидимъ, что все оно заключается въ противопоставленіи идеи, или должнаго, тому, что существуетъ на самомъ дѣлѣ въ современномъ Израилѣ. Мысль пророка проходитъ по главнѣйшимъ проявленіямъ церковно-народной жизни и народныхъ чаяній и стремленій и вездѣ проводитъ это противопоставленіе. Однако мысль его не является точнымъ *перечисленіемъ* соответствующихъ предметовъ, но нерѣдко возвращается вновь и вновь къ одному и тому же, освѣщая его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Намъ представляется существенно необходимымъ еще почастіе раскрыть содержаніе пророчества прежде, нежели приступить къ толкованію стихъ за стихомъ. Если отцы первыи не видѣли въ этомъ нужды, то по той причинѣ, что ихъ читатели и современники и по складу мышленія были несравненно ближе къ библейскому, такъ что могли уже сами усвоить связь мыслей пророка, а главное—они были вполне склонны, на основаніи одной только вѣры въ богодуховенность Библии, отрѣшаться отъ того смысла каждаго стиха, который для насъ представляется ближайшимъ, и

помимо всякихъ внѣшнихъ доказательствъ восходить въ чисто религіозному характеру изреченій¹⁾.

Современнаго же читателя нужно нарочно убѣждать въ томъ, что ближайшій смыслъ не есть окончательный, убѣждать главнымъ образомъ посредствомъ воспроизведенія связи цѣлыхъ свящ. книгъ, чрезъ которую и въ обыкновенныхъ рѣчахъ всего лучше усматривать истинный смыслъ отдѣльныхъ выраженій. Посмотримъ, какимъ же образомъ связывается содержаніе отдѣльныхъ главъ съ основною идеею противопоставленія духовнаго Израиля (Гал. VI, 16: Израиль Божій) наличному народу, истиннаго Сіона Божія—наличному Иерусалиму, истиннаго закона—современному лицемерію и пр.

Пророкъ какъ бы обидываетъ взоромъ наслѣдіе Божіе и видитъ, что оба царства оставили Господа и уповаютъ на свою лишь силу. Поэтому онъ начинаетъ рѣчь съ угрозы о томъ, что самъ Богъ Израилевъ сойдетъ съ неба и сокрушитъ домъ Іакова (I, 1—5). Беззаконіе его тѣмъ и отвратительно, что его виновниками являются оба правительства іудейское и израильское, распространяющія идоловъ въ виду политическихъ соображеній (5—10); посему Господь разрушитъ оба царства и политическіе замыслы окончатся разрушеніемъ всѣхъ городовъ: не радоваться объ успѣхахъ замысловъ нужно, а горько плавать (10—16). Со 2 главы пророкъ начинаетъ перечислять беззаконія правительствъ, противопоставляя ихъ внѣшнему усиленію будущее разрушеніе. Пользуясь безнаказанностью, сильныя міра грабятъ слабыхъ, но вотъ сами будутъ „совершенно раззорены“ (II, 1—5). Не только внѣшнее богатство, но и пророчество было у Израиля, но пророчество ложное; наконецъ весь народъ предается беззаконіямъ—насилію и грабежу, за что и будетъ раззоренъ (5—12). Но Господь не оставитъ Своего наслѣдія: какъ бы въ прямомъ противорѣчій съ

¹⁾ Такъ въ Пс. 19 слова «гѣи вснати быша и падоша» и пр. безъ всякихъ доказательствъ отцы относятъ къ паденію стражи предъ І. Христомъ въ саду Геосиманскомъ; или блаж. Іеронимъ чрезъ переводъ словъ Михея Морасентяннъ толкуетъ о томъ, что смиреніе (Михей) получаетъ наслѣдіе (*морашетъ*) Божіе.

предыдущими словами, пророкъ вдругъ предсказываетъ несомнѣнное возсозданіе истиннаго Израиля на погябели ложнаго (12—13). Въ III главѣ онъ снова обращаетъ взоръ въ третій разъ на печальную дѣйствительность и если въ первой онъ говорилъ о распространеніи грѣха по всей землѣ, а во второй — о его различныхъ видахъ, то здѣсь онъ прямо обращается на главныхъ его виновниковъ: на вельможъ-грабителей (1—5) и на взяточниковъ теократовъ (5—8), которымъ грозитъ духовнымъ ослѣпленіемъ и противопоставляетъ себя какъ истиннаго пророка (8). Въ чемъ же сущность его пророчества? видимая теократія, а на дѣлѣ гнусная предъ Богомъ, напрасно надѣется на вѣчность священнаго города: какъ внѣшній центръ внѣшняго Израиля, Іерусалимъ будетъ до конца разрушенъ (9—12), а вмѣсто него Господь создастъ Іерусалимъ духовный, какъ столицу духовнаго Израиля, и къ нему то относится обѣтованіе о возсозданіи Іакова; его и описываетъ гл. V и VI. Глава IV. Не теперешніе языческіе стремленія арій имѣютъ будущность: въ послѣдніе дни народы сольются, но не ради политики, а потекутъ къ горѣ Дома Божія ради того *священ. закона*, ради того *слова Божія*, что выйдетъ изъ Іерусалима (1—3); онъ обличитъ племена въ ихъ заблужденіяхъ и они всѣ примирятся и перекуютъ мечи на орала (3—6); храмящее и слабое въ мірскомъ смыслѣ будетъ господственнымъ въ царствѣ Божіемъ (6—9). Пусть теперь сѣмя этого истиннаго Израиля угнетено, пусть мірскіе цари, отступившіе отъ Бога, доведутъ его до плѣна въ Вавилонѣ, но да не страшится Израиль, „ибо знающіе мысли Господни“ поймутъ, что это для искупленія его же творить Богъ (9—12), чтобы дать ему высшую силу (13). Но это униженіе истиннаго наслѣдія Божія, дочери Іерусалимской имѣетъ еще ближайшее отношеніе къ грядущему судѣ Израилеву (V, 1); Онъ то, родившись въ Виелеемѣ, и объединитъ человѣчество въ общемъ мирѣ (2—5); Онъ то избавитъ насъ Божественною силою отъ Асура и возставитъ истинный остатокъ Израиля противъ беззаконниковъ своихъ и иноплеменныхъ; итакъ обѣщанный миръ будетъ духовнымъ мечемъ (5—15). Начертавъ въ пяти главахъ судъ Божій о внѣшнемъ Израилѣ, казнѣ